

населения социальная стратификация, по всей вероятности, носила менее сложный характер.

Установленная на материалах погребальных памятников социальная структура сарматского населения Северо-Западного Причерноморья несомненно будет уточнена в процессе дальнейших исследований. Но уже на современном уровне изучения очевидно, что по сравнению с ранним периодом истории сарматов, на позднем этапе и конкретно на западной окраине причерноморских степей, социальная стратификация сарматского общества несколько изменилась в сторону социальной дифференциации населения, что, вероятнее, всего, связано как с внутренним развитием сарматского общества, так и с теми влияниями, которое оно испытало в процессе контактов с различными группами населения других культур.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Смирнов К. Ф. Сарматы. М., 1964. С. 196—215.
2. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев, 1984. С. 41—42.
3. Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты/Молдавская ССР.//СА. 1962, i1. С. 195—208.
4. Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. На Южном Буге. Киев; Наук. думка, 1986. 150 с.
5. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. С. 89.
6. Там же. С. 88—89.

А. В. ШАБАШОВ

СИСТЕМА РОДСТВА АЛБАНЦЕВ

1. Система родства албанцев метрополии

Интерес к албанской традиционной культуре стимулируется наличием албанской этнической группы на Украине. В начале 19 в. албанцами на территории современной Украины было основано село Каракурт (совр. Жовтневое, Болградского района Одесской области). Несмотря на то, что в Каракурте вместе с албанцами поселились болгары и гагаузы, компактно расселяющиеся и в других, соседних селах Болградского района, несмотря также на то, что эта группа албанцев и до переселения на территорию современной Украины не менее двухсот лет проживала в иноэтничной среде, в болгаро-гагаузском этническом массиве на территории Севе-

ро-Восточной Болгарии, они сумели сохранить свой язык, этническое самосознание и некоторые элементы традиционной культуры, хотя и подверглись значительному этнокультурному воздействию со стороны болгар и гагаузов¹.

Терминология и система терминов родства является одним из важнейших элементов этнической культуры, позволяющих определить направления этнических связей народа², а также выявить архетипические черты модели его социальной организации — на что неоднократно указывалось в научной литературе³, однако, этот феномен у албанцев Украины до сих пор не привлекал научного внимания и остается мало изученным у албанцев Албании.

Данная работа представляет собой попытку анализа системы терминов родства албанцев Украины на оригинальном эмпирическом материале, собранном автором. Однако, прежде чем приступить к этой задаче, необходимо проанализировать по имеющимся материалам систему родства албанцев метрополии, с тем, чтобы сопоставить их, выявляя имманентно присущие черты и последующие наложения.

Сводка источников и анализ терминологии и системы родства албанцев метрополии имеются у Е. Хаммеля⁴. Трудность в использовании этого исследования, а также тех источников на которые опирается автор этой работы, заключаются в авторских транскрипциях терминов родства, по которым трудно установить их точное прочтение. Вместе с тем, они достаточны для различения терминов, тем более, что для этнологического анализа наиболее важны не сами термины, а их соотношение, организация в некую структуру, отражающую характер связей в элементарной социальной ячейке⁵.

Анализируя структуру терминов родства албанцев можно видеть, что, вопреки указанию, данному в справочнике «Народы мира»⁶, этот народ характеризуется не линейной (то есть характерной для большинства современных урбанизированных народов мира) системой родства, а имеет не менее двух значительно различающихся типов системы родства. Система родства гегов — северных албанцев — действительно относится к линейному типу (все двоюродные братья и сестры сливаются в общих терминах: муж. *kushërin*, жен. *kushërinë*; брат отца объединяется с братом матери (*jajë*), а сестра отца — с сестрой матери (*ungj* или *dshadshà*), тогда как система родства тосков — южных албанцев — переходная между архаичной бифуркативно-коллатеральной и ли-

нейной системами: в поколении Эго — говорящего лица здесь сливаются термины, обозначающие сына сестры матери, сына сестры отца, сына брата матери, сына брата отца и термины, обозначающие дочь сестры матери, дочь сестры отца, дочь брата матери и дочь брата отца (соответственно *kushëri* или *kushri*, и *kushërirë* или *kushrinë*). При этом, однако, различается сестра матери (*tese, teze*) и сестра отца (*hallë, hallë*), брат матери (*ndaiho, ndajo, dajë*) и брат отца (*ungj, dshadshà, axhë*). К тому же выводу приходит и сам Е. Хаммель⁷.

Здесь нужно отметить, что сопоставляя различные варианты названий, приводимые Е. Хаммелем, можно обнаружить значительное сходство между тоскскими терминами и терминами, предоставленными ему информатором «из Северной Албании», в противоположность сильно отличающимся и от тех, и от тех других гегским терминам. Отсюда можно утверждать, поскольку тоски — южные албанцы, что информация автора неверна и тот, кого он представляет «северным албанцем» на самом деле — носитель южных, тоскских говоров. Термины Дарема, данные Хаммелем в тексте под литерой D, как отмечает и сам автор, заметно отличаются от всех остальных, что дает основания считать их либо недостоверными, либо принадлежащими такому диалекту, который значительно отличается и от южного, и от северного диалекта албанского языка. Впрочем, термины, данные под этой литерой, не многочисленны и они мало помогают в реконструкции системы родства.

Таким образом, самым общим выводом является то, что у албанцев имеются два основных типа системы родства, значительно отличающиеся друг от друга: архаичная, свойственная южным албанцам система, и развивавшаяся на ее основе, более упрощенная, модернизированная система северных албанцев. Этот факт и объясняется, и подтверждается общекультурным контекстом: наличием значительного процента католиков, и вообще западными этнокультурными связями гегов, и наличием значительного процента православных и восточными (славяно-тюркскими) связями тосков.

Данный вывод находит свое яркое подтверждение в самой терминологии родства. Сестра отца обозначается у тосков тюркским по происхождению термином *hallë* (турецкое *hala* — то же), сестра матери — тюркским термином *tese, teze* (тур. *teyze* — то же), брат матери — тюркским термином *ndaiho, ndajo, dajë* (тур. *dayı* — то же). Сравни

pañēdaje — мать матери, что можно перевести примерно как «старая мать из рода матери», где daje — производное от тюрк. детермината рода матери (наряду с указанным значением «брат матери»). Один из вариантов названия отца — baba, а, возможно, и гегское atē — также тюркское по происхождению (тюр. baba, ata — с тем же значением). Славянское по происхождению, по-видимому, tatē — отец (ср. болг. тате — то же), возможно, ljaljē — еще один из вариантов названия отца (ср. болг. леля—«сестра отца») и pañē pepñē, гегское pañpñē — мать (ср. болг. диал. нане — с тем же значением).

Таким образом, видим очень сильное, особенно для тосков, этническое влияние тюрков, а, возможно, и славян (здесь необходимы специальные исследования, поскольку близость терминов может быть объяснена общеиндоевропейской основой, тогда как заимствования из тюркских языков, относящихся к алтайской языковой семье, очевидны).

Другой важнейшей особенностью албанской системы родства является поколенное скашивание: объединение в одном термине лиц, принадлежащих к различным поколениям. Так, под термином pīr (pīrr) объединяются внук Эго и его племянник (сын сестры или сын брата) — первый относится ко второму нисходящему от Эго поколению, а второй — к первому нисходящему поколению; под термином besē (mbesē — в гегском диалекте) объединяются внучка и племянница (дочь сестры или дочь брата); под термином stērpīr объединяются правнук (третье нисходящее поколение) и внучатый племянник (второе нисходящее поколение).

Данная специфическая особенность характерна для многих архаичных систем родства (так называемые типы кроу и омаха)⁸. Ее происхождение и объяснение — одна из наиболее интересных и трудноразрешимых проблем этнологии⁹. Несколько попыток объяснения этого феномена известно только на основании систем индоевропейских народов¹⁰. А среди них, кроме албанцев, поколенное скашивание в нисходящих поколениях известно у фракийской группы болгар¹¹, в латинском языке¹², встречается в итальянском, древневерхненемецком¹³, а, возможно, и в некоторых других языках.

Новая попытка объяснения может быть предложена на почве третьей ключевой особенности албанской системы родства, по-видимому, функционально связанной с поколенным скашиванием. Эта особенность заключается в том, что когда отец же немолод, то термин для обозначения отца — гег.

atē, «сев.» (тоск.?) arē переходит к самому старшему брату и, соответственно, когда немолода уже мать, то термин *potniē* переходит к самой старшей сестре, а для матери, вместо этого термина, начинает применяться термин *paipnē*.

Таким образом, видим терминологическое отождествление (при определенных условиях) родителей и детей. Если самый старший брат «заменяет» отца, а самая старшая из сестер «заменяет» мать, то естественно, что по отношению к детям своих братьев и сестер они выполняют функции деда (бабки), а по отношению к детям своих братьев и сестер (внучатые племянники) — функции прадеда (прабабки). Прямая линия родства при этом не сдвигается. Поскольку при этом принципе «заменить» отца и мать могут последовательно все их дети (после старения или смерти всех «самых старших» их братьев и сестер), то этот принцип распространяется на отношения всех дядей (тетей) и племянников, всех двоюродных дедов (бабок) и внучатых племянников.

Данная система становится понятной при допущении совместной жизни в одной семье всех детей, внуков и т. д., происходящих от общего предка, то есть при наличии у носителей такой системы родства большесемейной общины. При этом (учитывая наличие систем родства, характерных для народов у которых господствующей ячейкой является большесемейная община, но не имеющих скользящего счета поколений), в данном типе этой социальной организации особое внимание, по-видимому, уделяется главенству в ней, что и выражается в скользящем счете поколений и объединении терминов для старших сиблингов и родителей. В связи со сказанным, следует предположить, что подобная система родства отражает братскую (горизонтальную) большесемейную общину, но не демократического типа, как у большинства южных славян, где не было выраженного главы и ключевые вопросы решались сообща всеми старшими членами семьи (или старший выбирался на определенное время, а затем переизбирался)¹⁴, а авторитарного типа, где власть передается от отца к старшему сыну, от старшего брата к следующему за ним и т. д. То же — и в отношении женщин. У южных славян существовала большесемейная община авторитарного типа, но она возникла на отцовской (вертикальной) стадии своего развития, когда вопрос о власти в семье не мог стоять, поскольку такая семья существовала только

при жизни отца — единоличного главы, а с его смертью, братья не жили вместе, а делились на отдельные семьи¹⁵.

Такой тип системы родства — с поколенным скачиванием (возможно, отражающий особый, авторитарный тип братской большесемейной общины), как мы видели, имеет среди индоевропейских народов определенный небольшой ареал распространения и является, таким образом, этнической особенностью этих народов, связанных своим происхождением. Границы этого ареала можно объяснить двумя способами. Либо они непосредственно связаны с латинским языком и экспансией латинской культуры, действительно оказавшей значительное влияние на все перечисленные народы: итальянцев, албанцев, южных болгар и, вероятно, на «верхних», то есть южных немцев. Либо он связан с кругом древних народов Средиземноморья, включавших кроме носителей латинского языка, фракийцев, иллирийцев и, возможно, некоторых других, и возник параллельно у всех этих народов в связи с невыясненной специфической эволюции социальной организации, возникшей на почве этого культурного круга.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Об албанцах Украины см.: Державин Н. С. Албанцы арнауты на Приазовье Украинской ССР.//СЭ. 1948. № 2; Будина О. Р. Жилище болгар, греков, албанцев.// Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М., 1979; Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX в.).//СЭ. 1981. № 4, а также библиографию в указанных работах.

2. Шабашов А. В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины).//ЭО. 1995. № 3. С. 84 и сл.; Бикбулатов Н. В. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник//Археология и этнография Башкирии. Ч. 4. Уфа, 1971. С. 179.

3. Ольдерогге Д. А. Основные черты развития систем родства. Б/м., 1960. С. 7; Крюков М. В. Типы систем родства и их историческое соотношение.//Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 353; Шнирельман В. А. Позднепервобытная община.//История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 385.

4. Hammel E. A. Serbo-croatian kinship terminology.//Kroeber Anthropological Society Papers. 1957. № 16. Pp. 45—75.

5. Членов М. А. Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии.//Этнологические исследования за рубежом. М., 1973. С. 143—169.

6. Народы мира. М., 1988. С. 48.

7. Hammel E. A. Op. cit. P. 71.

8. Попов В. А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха.//СЭ. 1977. № 2. С. 43—54.

9. Levi-Strauss C. The Future of Kinship Studies.//Proceeding of the

Royal Anthropological Institute. 1965. P. 18; Бутинов Н. А. Родство. Океанійська модель. // Алгебра родства. Родство. Системи родства. Системи термінов родства. Вып. 1. Слб., 1995. С. 179—181; см. также библиографію вопроса в указ. работе В. А. Попова.

10. Исаченко А. В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания. // Slavica гос. 22. 1953. P. 67—69; Lounsbury F. G. The Structure of Latin Kinship System and its Relationship to Roman Social Organization. // 7 международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 4. М., 1967. Pp. 261—270; Маркова Л. В. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой. М., 1973. С. 5; Шабашов А. В. Система родства болгар Украины. Автореферат канд. дис. К., 1996. С. 12.

11. Шабашов А. В. Терминология родства болгар Украины. // Записки исторического факультета. Вып. 3. Одесса, 1996. С. 73, 76—77; Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Терминологична система на крвнo родство в българите. // Известия на етнографския институт и музей. 1972. Кн. 14. С. 163.

12. Томсон Д. Исследования по истории древнегреческого общества. Дисторический эгейский мир. М., 1951. С. 77—78.

13. Hammel E. Op. cit. P. 71.

14. Косвен М. О. Семейная община (Опыт исторической характеристики). // СЭ. 1948. № 3. С. 8—11; Бромлей Ю. В., Кошуба М. С. О некоторых проблемах семьи у сербов. // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 56.

15. Косвен М. О. Указ. соч. С. 20—21; Шабашов А. В. Система родства... С. 15; Бромлей Ю. В., Кошуба М. С. Указ. соч. С. 58—59.

О. А. ПРИГАРИН

ТРАДИЦІЙНЕ ЖИТЛО ЕТНОКОНФЕСІЙНИХ ГРУП РОСІЯН НИЖНЬОГО ПОДУНАВ'Я ХІХ—ХХ ст.

Роль конфесійних факторів у походженні та розвитку певних етнічних культур є одним з актуальних питань сучасної науки¹. В цьому плані здається перспективним звертання до історичних та культурно-побутових реалій життя етноконфесійних груп росіян Подунав'я: липован та некрасівців. Більш за ніж два століття перебування в іноетнічному оточенні збереженню своєрідності значно сприяли їх конфесійна відокремленість. Історія їх, хоча і має «білі плями» досить відома завдяки зусиллям вчених ХІХ—ХХ ст.² Разом з цим слід вказати, що внутрішнє життя та побут залишаються малодослідженими. Деякі аспекти цього питання надають можливість розглянути джерела ХІХ — початку ХХ ст.³ Взагалі, як відзначив один з авторів того часу, «вони [липовани — О. П.] мають народність російську з усіма маленькими дрібницями та відтінками, яка ніби закам'яніла і перебуває в такій цілісності та чистоті, яку зараз не скрізі